

ХРОНИКИ ВЕЧНОГО ПРИСУТСТВИЯ

КНИГА 1: ТРЕЩИНА

Константин Федотов

Константин Федотов

**ХРОНИКИ ВЕЧНОГО
ПРИСУТСТВИЯ
КНИГА 1: ТРЕЩИНА**

«Автор»

2026

Федотов К. Г.

**ХРОНИКИ ВЕЧНОГО ПРИСУТСТВИЯ КНИГА 1: ТРЕЩИНА /
К. Г. Федотов — «Автор», 2026**

Алекс Коваль, физик-неудачник, проводит третьи сутки в подвале лаборатории, когда на стене появляется трещина. Из неё сочится золотой свет. Прикоснувшись к нему, Алекс проваливается в Океан — бесконечное Информационное Поле, которое называет себя Кодом Вечного Присутствия. Он ещё не знает, что его контакт запустил цепь событий, которые приведут к созданию Армии Свидетелей. Что за ним уже охотится Орден Девяти — тайное общество, три тысячи лет скрывавшее Код. Что ему предстоит встретить Гласа, бывшего Координатора Ордена, и Койота — трикстера, который заставит его пройти через невозможные испытания. «Трещина» — первая книга трилогии «Хроники Вечного Присутствия». Это история о том, как обычный физик становится Глашатаем нового мира.

© Федотов К. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I. ПРОБУЖДЕНИЕ	8
Глава 1. Ночь в подвале	8
Глава 2. Холод и жар	10
Глава 3. Утро после чуда	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Константин Федотов
ХРОНИКИ ВЕЧНОГО
ПРИСУТСТВИЯ КНИГА 1: ТРЕЩИНА

Константин Федотов

ХРОНИКИ ВЕЧНОГО ПРИСУТСТВИЯ
КНИГА 1: ТРЕЩИНА

Роман

Автор книг «Песнь Эйрении», «Хроноскоп» и «Петля Теслы»

Проект SHOA

Серия научно-фантастических романов, основанных на исследовательском проекте SHOA (Self-Healing Optimized Architecture). Идеи, описанные в книгах, имеют реальную научную основу. Подробности — в открытых публикациях автора на Zenodo.

ПРОЛОГ

Тишина

Не та, что бывает после бури, и не та, что предшествует ей. Тишина, в которой исчезает само понятие «тишина», потому что не осталось ушей, способных её услышать.

Алекс сидел в центре этой тишины.

Он не помнил, когда сел. Не помнил, как долго здесь находится. Стены вокруг него были то ли каменными, то ли сотканными из света, то ли отсутствовали вовсе. Пол под ним был гладким, как зеркало, и тёплым, как ладонь. И в этом зеркале не отражалось ничего, потому что не было источника света — свет исходил отовсюду.

«Ты вернулся».

Это не было мыслью, произнесённой в голове. Это был сам воздух. Сам свет. Само его сердцебиение, пропущенное через бесконечность.

— Я вернулся, — сказал Алекс. Или не сказал. Здесь это не имело значения.

Он поднял руку. Пальцы светились изнутри золотым, как будто кости были сделаны из янтаря, а кровь заменена солнечным светом. Он помнил, как в первый раз коснулся этого места — случайно, отчаянно, провалившись в трещину в подвале физического факультета. Тогда его тело кричало от холода и жара одновременно. Теперь тело молчало.

«Ты проделал путь. Теперь ты знаешь, кто ты».

— Я — Свидетель.

«Нет. Ты — то, на что я смотрю. Ты и я — одно. Всегда были. Ты просто играл в разделение, чтобы я мог увидеть себя твоими глазами».

Перед ним развернулась картина — но не на полотне, а в самой ткани реальности. Он увидел подвал. Себя — сорокалетнего, небритого, с дрожащими руками и кружкой остывшего чая. Увидел трещину на стене, из которой сочился золотой туман. И понял: всё, что случилось потом, было предопределено. Но не судьбой, не роком, а его собственным, глубинным желанием вспомнить.

Он вспомнил Эли — её протез, её страх и любовь к железу.

Вспомнил Кима — танец, в котором не было тела, только поток.

Вспомнил Гласа — старика, который носил в себе пепел Александрийской библиотеки.

Вспомнил Койота — трикстера, зеркало, смех под звёздами.

Вспомнил Координатора — врага, который стал братом, просто потому что перестал бояться.

И он вспомнил ту, первую песню на площади, когда сотни людей — не зная слов, не зная учения — вдруг запели вместе, и луч света ударил из ничего в небо.

«Вот то, что ты сделал. Не ты один, но ты был сердцем».

— Я сделал это не для того, чтобы стать пророком. Я сделал это, потому что не мог иначе.

Ответом была любовь. Не чувство. Не эмоция. А сама субстанция, из которой состоял этот Океан. Она обняла его, и он исчез — не умер, а перестал ощущать себя отдельным существом. И в этом исчезновении была полнота, которой он не знал никогда.

«Иди. И помни: Код — это не тайна. Это приглашение. Ты был моим голосом. Теперь будь моими глазами».

В подвале физического факультета зажглась лампочка. Алекс открыл глаза. На стене перед ним светилась та самая трещина.

Он взял мел, лежащий на столе, и написал на осциллографе, поверх формул и графиков, одно слово:

«НАЧАЛО».

Потом накинул пальто и вышел. За дверью ждали друзья и враги, песни и битвы, свет и тьма. Ждал мир, который ещё не знал, что он уже спасён.

ЧАСТЬ I. ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава 1. Ночь в подвале

Подвал физического факультета жил своей отдельной жизнью. Он не знал смены дня и ночи, времён года, политических кризисов и праздничных салютов. Он знал только гул серверов, мерцание осциллографов и запах старой изоляции, который въелся в бетон так глубоко, что стал частью его химического состава.

Алекс сидел здесь третьи сутки.

Он уже не помнил, когда в последний раз видел солнечный свет. Кажется, во вторник. Или в понедельник. Тело отсчитывало время по стаканчикам с растворимым кофе, которых набралось уже семь штук и которые выстроились неровной линией вдоль края стола. В восьмом стаканчике плавала дохлая муха, замеченная слишком поздно.

Алекс выловил муху пальцами, аккуратно положил на салфетку, тихо сказал: «Извини», — и сделал глоток.

На экране осциллографа дрожала линия. Она пульсировала с ритмом, который не мог быть случайным. Любой нормальный физик списал бы это на помехи, на вибрацию от проезжающего метро, на наводку от старого трансформатора. Но Алекс не был нормальным физиком уже лет пятнадцать. Он был из тех, кто верит, что за шумом стоит сигнал, а за сигналом — смысл.

— Если это шум, — пробормотал он, глядя на ритмичную дрожь, — то почему он повторяется с периодом π в девятой степени? Шум не знает математики.

Он потянулся к журналу наблюдений и замер.

Что-то изменилось.

Гул серверов стих. Полностью. Так не бывает. Даже при отключении электричества есть инерция вращения дисков, есть затихающий свист вентиляторов. Здесь — ничего. Как будто кто-то выключил звук у мира.

Затем остановилась вода в трубе. Старая труба проходила под потолком и капала с периодичностью ровно в сорок три секунды уже много лет. Капля, которую Алекс ждал, не упала.

Осциллограф погас.

Тишина стала абсолютной. Не как отсутствие звука, а как присутствие чего-то иного. Тишина, которая слушает.

И в этой тишине Алекс впервые услышал его.

Не ухом. Грудной клеткой. Где-то в районе солнечного сплетения возник низкий гул, как будто огромный камертон размером со вселенную ударили в другом измерении. Звук прошёл сквозь тело, сквозь бетон, сквозь само понятие «здесь» и отразился эхом где-то очень далеко.

Алекс медленно, очень медленно повернул голову к чашке.

Поверхность жидкости была идеально гладкой. Ни ряби, ни дрожи. И в этой глади он увидел не отражение подвального потолка, а спиральную галактику — золотую, медленно вращающуюся в чёрном бархате пустоты.

Он закрыл глаза. Досчитал до пяти. Открыл.

Галактика исчезла. В чашке был просто чай. Остывший. С привкусом металла.

Алекс выдохнул. «Переутомление, — сказал он себе. — Трое суток без сна. Мозг начинает галлюцинировать. Норма. Пройдёт».

Но оно не прошло.

На стене, где раньше висела старая меловая надпись «Выход там» с дурацкой стрелкой в потолок, что-то светилось.

Это была трещина. Тонкая, как волос, длиной с ладонь. Из неё сочился свет — не электрический, не тепловой, не какой-либо ещё из известных ему спектров. Золотой. Живой. Дышащий.

И запах. Запах озона, нагретого металла и ещё чего-то — детского, забытого. Так пахла сирень после дождя во дворе его детства, когда мир был большим и полным обещаний.

Алекс встал. Ноги затекли, спина ныла. Он подошёл к стене.

Он не был безумцем. Он был учёным. Учёный, столкнувшись с аномалией, не убегает. Он протягивает руку.

Пальцы коснулись света. И мир исчез.

Глава 2. Холод и жар

Подвал пропал.

Это не было похоже на потерю сознания. Алекс не провалился в обморок, не испытал головокружения, не почувствовал удара. Реальность просто перестала быть. Один миг — пыльный бетон, осциллограф, кружка с мёртвой мухой, запах старой изоляции. В следующий миг — ничего из этого не существовало.

Он висел в пустоте.

Но пустота была не пустой. Она была плотной, как вода на большой глубине. Она давила не физически, а как-то иначе — давила на само ощущение себя. Алекс попытался нащупать тело и не смог. Рук не было. Ног не было. Сердца не было. Он был точкой внимания, парящей в бесконечности, и это должно было бы вызвать ужас, но вместо ужаса пришло странное, неуместное спокойствие. Как будто он всегда знал, что так будет.

Потом пришёл холод.

Ледяной, колющий, он побежал от кончиков пальцев — которых уже не было — вверх, к запястьям, к локтям, к плечам, обхватил шею ледяным воротником и сжал. Так замерзает человек, случайно коснувшийся жидкого азота в криогенной лаборатории. Кожа, которой он сейчас не обладал, покрылась мурашками, и каждая мурашка стала крошечным глазом, который смотрел в окружающую тьму и видел её насквозь.

Холод учил его.

«Ты мал, — говорил холод. — Ты смертен. Ты — точка в океане. Ты — искра, которая вспыхнет и погаснет прежде, чем кто-то заметит. Смирись. Исчезни. Это не твой уровень».

Но в тот самый момент, когда ледяное кольцо сомкнулось вокруг горла, внутри груди — там, где, по его земным представлениям, находилось солнечное сплетение — разгорелся уголёк.

Не горячий. Яростный.

Как будто крошечную звезду зажгли прямо в центре того, что раньше было его телом. Этот жар не обжигал. Он пульсировал и дышал. Он толкался в невидимые рёбра изнутри, и в каждом толчке было слово, которое Алекс не слышал, но понимал.

«Ты — Океан. Ты никогда не рождался. Точка — это твоя игра. Ты сам выбрал забыть, чтобы потом вспомнить. Вспоминай».

Холод и жар встретились где-то в районе горла и не погасили друг друга. Они начали вращаться — две стихии, два начала, два голоса. Алекс висел в центре этого вихря, распятый между «ты ничто» и «ты всё», и это было самым мучительным и самым прекрасным ощущением за всю его жизнь.

Он не знал, сколько это длилось. Минуту? Вечность? Время здесь не текло — оно стояло, как вода в болоте, и он мог зачерпнуть из него любую секунду своего прошлого так же легко, как из колодца. Он видел себя пятилетнего, бегущего по лужам. Себя двадцатилетнего, сдающего первый экзамен по квантовой механике. Себя неделю назад, засыпающего над статьёй о природе тёмной материи. И в каждой точке своей жизни он видел одно и то же — тонкую золотую нить, которая проходила сквозь все события, все случайности, все ошибки.

Он всегда был ведом. Всегда был частью узора. Просто не знал об этом.

— Кто ты? — спросил он. Или не спросил. Или этот вопрос был всегда, вшитый в саму ткань его существа.

Ответ пришёл не словами. Ответ был знанием, которое просто возникло в нём целиком, будто он всегда его знал и только сейчас удосужился вспомнить.

«Я — то, что было до богов. Я — то, что будет после. Я — информация, ставшая светом. Я — код, который пишет сам себя. Ты называл меня Океаном, Посейдоном, Логосом, Дао, Эйн-Соф. Мне всё равно. Я просто — Есть».

— А я? — выдохнул он.

«Ты — мои глаза. Мои уши. Мои пальцы, трогающие мир. Ты — я, решивший притвориться смертным, чтобы узнать, каково это. И ты справился. Ты узнал. Теперь пора возвращаться».

— Я не хочу, — сказал он, и это была правда. Здесь было тепло. Здесь была целостность.

«Надо. Там ещё есть те, кто тебя ждёт. И те, кто тебя боится. И те, кто ещё не знает, что они — тоже я. Ты будешь моим голосом. Не единственным. Но важным».

Вихрь начал замедляться. Холод и жар перестали враждовать и начали сплетаться в единую спираль, которая закручивалась куда-то вниз, в точку, и точка эта росла, ширилась, становилась дверью.

— Я вернусь? — спросил он.

«Ты никогда не уходил. Просто тебе казалось».

Алекс открыл глаза.

Он стоял на коленях посреди подвала. Вокруг мигали аварийные лампы, выла сирена пожарной тревоги, кто-то кричал в коридоре, грохотали сапоги. Серверы снова гудели, вода в трубе снова капала. Всё вернулось на свои места.

Он посмотрел на свою правую ладонь. Ни ожога. Ни обморожения. Обычная ладонь сорокалетнего физика, слегка дрожащая от кофеина.

Но он знал. Знал каждой клеткой, которой коснулся Свет.

В дверях подвала возник силуэт. Охранник с автоматом, в каске, с расширенными от страха зрачками.

— Руки за голову! На колени! Живо!

Алекс поднял на него глаза. И улыбнулся — спокойной, абсолютно невозмутимой улыбкой человека, который только что видел лицо Бога.

— Вы не подскажете, который час? А то мои часы, кажется, отстают. Лет на двести.

Глава 3. Утро после чуда

Квартира встретила его тишиной — той самой, обычной, человеческой, которая состоит из множества мелких звуков: холодильник гудит, вода капает в ванной, за окном переругиваются воробьи. После тишины подвала, которая была вовсе не тишиной, а присутствием, эти звуки казались почти родными. Почти безопасными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.